

КОНТРАФАКТИЧЕСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СИНЕРГЕТИКА

Автор: В. А. НЕХАМКИН

(Пути взаимодействия)

В настоящее время наряду с традиционным историческим познанием, описывающим реально свершившееся прошлое (ретросказанием), развивается и другое направление его изучения: контрфактические исторические исследования. Они крайне популярны как в России, так и за ее пределами. Интерес к подобному моделированию прошлого особенно заметен со второй половины XX в. Появляется фундаментальная работа Р. Фогеля [Fogel, 1964], в которой с помощью математических методов рассматривались возможные варианты развития экономики США XIX в. при отсутствии железных дорог. Затем - в 1970-е гг. - эссе английского историка А. Тойнби "Если бы Александр не умер тогда..." [Тойнби, 1979]; "Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели" [Тойнби, 1994].

В конце XX - начале XXI в. на Западе активно издаются антологии, в которых подвергаются анализу нереализовавшиеся исторические возможности (см. [Дуршмид, 2000; Макси, 2001; Норт, 2002; А что, если... 2002; Победа... 2004]). Ряд подобных работ появился и в России [Поликарпов, 1996; Бушков, 1999; Лещенко, 2003]. Этой теме посвящают монографии отечественные ученые [Экштут, 1994; Гуц, 2000; Модестов, 2000]. В ведущих научных журналах выходят статьи, авторы которых обсуждают различные (мировоззренческие, методологические, этические) аспекты контрфактического моделирования прошлого [Померанц, 1990; Кудряшов, Олейников, 1995; Бестужев-Лада, 1997; Экштут, 2000; Гусейнов, 2001]. Наконец, в 1999 г. в Институте всеобщей истории РАН прошел круглый стол на тему "История в сослагательном наклонении?" (см. [Одиссей... 2000]). Отсюда некоторые ученые делают оптимистический вывод: "Возможность моделировать исторический процесс... заново проигрывая ту или иную ситуацию и обсуждая события, которые могли бы произойти, однако в действительности не произошли, - определяет... методологическую специфику исторической науки" [Успенский, 1996, с. 34].

Однако распространенность данных исследований еще не говорит об отсутствии у них фундаментальных теоретических проблем. Прежде всего неясно: как рассуждения "что было бы, если?" связаны с исторической действительностью? "Если история не терпит сослагательного наклонения, ее не переделаешь" [Розанов, 1991, с. 10], если реальное прошлое - константно, представляет собой некую "данность, которую ничто не властно изменить" [Блок, 1986, с. 35], то любой его анализ в контрфактическом ключе *a priori* ирреален. Отсюда рассуждения "что было бы, если?" в лучшем случае - "просто

Нехамкин Валерий Аркадьевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

разговорный прием, позволяющий более рельефно показать роль случайного... в историческом движении человечества" [Блок, 1986, с. 72]. А в худшем - бессмысленные "попытки пытаться угадать, как могли бы... развиваться события..." [Розанов, 1991, с. 9 - 10].

Кроме того, вызывает обоснованные сомнения возможность получения в рамках контрфактических исследований каких-либо достоверных знаний: "...в состоянии ли человеческая мысль добраться до истины, если факты отодвигаются на второй план, а на передний выдвигаются несостоявшиеся альтернативы, когда вся система рассуждений покоится на предположениях "вот если бы... тогда бы?" [Егоров, 1990, с. 6]. Некоторые ученые вообще выводят их за рамки науки, отождествляют с гаданиями: "Историк... не может гадать на тему "что было бы, если бы то, а не это"" [Сахаров, 1981, с. 64]; "...Суждения типа "если бы, да кабы" - не для историка. История - не гадание по поводу утраченных возможностей. Это... - рассказ, оценка и объяснение" [Гулыга, 1980, с. 216].

Наконец, традиционная интерпретация исторического процесса носит преимущественно фаталистический характер. Исходя "из неизбежности того, что произошло", ученый "конструирует преемственную линию, с наибольшей надежностью ведущую к известному заключительному пункту" [Лотман, 1992, с. 34]. В результате прошлое рассматривается как однозначное, одновариантное. "Прошедшее объявляется единственно возможным - "основным, исторически предопределенным". *То, что не произошло, объявляется, осмысливается как нечто невозможное* (курсив мой. - В. Н.)" [Лотман, 1992, с. 32 - 33]. Следовательно, контрфактические исследования прошлого становятся для ученого, придерживающегося подобной методологической позиции, неприемлемыми.

Итак, в связи с контрфактическими историческими исследованиями возникает ряд фундаментальных проблем: 1) имеют ли они под собой какие-либо действительные основания, связь с реальным прошлым или выступают исключительно мыслительными конструкциями; 2) можно ли с их помощью осуществить адекватное науке познание минувшего; 3) преодолим ли фатализм традиционного исторического познания, мешающего их развитию. На мой взгляд, один из вариантов решения этих проблем предложен в рамках синергетики.

Он строится на твердых онтологических основаниях. Дело в том, что в обыденной жизни человек часто оказывается в ситуациях, когда ему необходимо выбирать из нескольких возможностей дальнейшего развития. Этот выбор, как правило, носит "безобидный" характер: что купить - хлеб или молоко? Куда пойти - направо или налево? Но может быть и более драматичным. Так, летом 1941 г. флагманский минер П. Вольский, "выведя из строя порт Пярну, взорвав... суда на выходе из него, задержал на 1 - 2 месяца продвижение немецко-фашистских войск, рассчитывавших именно через этот порт ускорить свое продвижение к Таллинну и Ленинграду... П. Вольский оказался в той *точке* (курсив мой. - В. Н.) *пространства и времени, от которой война могла пойти по другому сценарию*" [Серебрянников, 1997, с. 239 - 240]. *Стало быть, человек может не только следовать в фарватере доминирующего в данный момент варианта (например, отступления Красной армии), но и сознательно выбирать альтернативные ему возможности поведения.*

*Теоретическим отражением таких ситуаций и стало вводимое в рамках синергетики понятие "точка бифуркации"*¹. Она спонтанно появляется в любых неравновесных системах, включая социальные, носит уникальный характер: другой такой точки бифуркации с подобной "начинкой" никогда не возникнет. Содержание момента определяется тем, что здесь "состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования". Таким образом, точка бифуркации - основа многовариантности, обуславливающая неопределенность развивающейся дей-

¹ "В обыденной речи "бифуркация" означает развилку или раздвоение (от лат. *bi* - двойной *furca* - "развилка")" [Ласло, 1995, с. 12].

ствительности. "В этих точках самое полное знание не даст нам возможность вычислить то, что произойдет" [Пригожий, 1989, с. 11].

Поскольку в прошлом социальных систем такие переходные "точки" неоднократно имели место, ученые-историки, проводящие анализ на базе синергетики, должны реконструировать содержащиеся здесь варианты. Тем самым контрфактические исследования обретают онтологическое основание: как поиск и анализ реально существовавших ранее точек бифуркации. Причем их изучение, базирующееся на специфической методологии, носит научный характер, исключает фаталистические интерпретации исторического процесса.

Однако здесь, на мой взгляд, эвристический потенциал синергетики И. Пригожина применительно к контрфактическим историческим исследованиям сильно сужается. Это можно проследить по следующим направлениям.

1. Поскольку методологической базой реконструкции содержания точек бифуркации выступают преимущественно математические методы, они существенно ограничивают временной диапазон подобных исследований. Как справедливо указывает М. Левандовский, "без цифр установить точки бифуркации невозможно, поэтому наша методика годится лишь для исследований современности и позднего Нового времени. А все размышления на тему "а что, если бы?", относящиеся к более ранним эпохам, - это не более чем изящная интеллектуальная забава" (цит. по [Юзефович, 2002, с. 65]). Соответственно, при таком подходе к античности и средним векам контрфактические исследования применяться не могут.

2. Поскольку решающее влияние на выбор одного из вариантов развития в точке бифуркации оказывают случайные факторы, спонтанные изменения (флуктуации), сторонники синергетики абсолютизируют их роль и в социальных системах. Исторический процесс представляется им чередой случайностей. "Внутренний распад и проигранная война в 1917 г. привели Россию за порог стабильности. Система распалась, и из хаоса "Великой Октябрьской социалистической революции" возник Ленин и неожиданный для всех марксистский режим большевиков - тот самый, который распался в 1991 г. в результате другой неожиданной бифуркации" [Ласло, 1995, с. 16]. Такая реконструкция вариантов потенциального исторического развития теряет практический смысл, ибо она не позволяет выявить в истории никаких закономерностей.

3. Контрфактическим исследованиям мешает и провозглашенный в рамках синергетики Пригожина тезис о принципиальной невозможности предвидения будущего в переходных состояниях. "Хотя мы и можем знать начальные условия в бесконечном числе точек (бифуркации. - В. Н.), будущее, тем не менее, остается принципиально непредсказуемым" [Пригожий, 1991, с. 51]. Это означает, что содержание точек бифуркации не константно, а постоянно изменяется. Находившиеся в них варианты социального развития более в историческом процессе не воспроизводятся. Например, между точками бифуркации, в которых Россия находилась в 1917 и 1991 гг., нет ничего общего.

Если в точках бифуркации господствуют случайности и их содержание не воспроизводится в будущем, то невозможно прогнозировать, какие варианты возникнут в дальнейшем. В таком случае реконструкция возможностей, имевших место в точке бифуркации, тоже становится практически бесполезной.

Из этих недостатков синергетики вытекает и двойственность отношения Пригожина к контрфактическим исследованиям прошлого. С одной стороны, на теоретическом уровне он их приветствует: "Для того, чтобы имело смысл говорить об истории, необходимо вообразить, что то, что имело бы место, могло бы и не произойти... Что произойдет, если... Что произошло бы, если? Эти вопросы обозначают уникальность точек бифуркаций" [Пригожий, 1989, с. 11]. С другой стороны, в методологическом плане подобный анализ неприемлем. Поэтому он отождествляется с фантастикой и должен быть отвергнут. "Кто не знает истории о том, как из-за того, что в кузнице не было гвоздя, у лошади слетела еле державшаяся подкова, из-за захромавшей лошади убит скакавший на ней командир, из-за смерти командира разбита конница, что в свою очередь вызвало отступление всей армии и т. д. Такого рода проблемы... и служат основной темой науч-

но-фантастических "путешествий во времени": что случилось бы, если бы... Спекуляции на эту тему всегда предполагают некоторое изменение масштаба. Событие, ранее казавшееся незначительным, смогло изменить ход истории" [Пригожий, 1994, с. 53 - 54].

В результате перед учеными встали следующие вопросы. Как преодолеть недостатки позиции Пригожина? Каким образом можно адаптировать синергетику для использования в контрфактическом анализе прошлого?

Один из вариантов - усовершенствование прежней методологии. Так Г. Малинецкий предложил модель "теоретической истории". Это - "междисциплинарный подход, позволяющий исследовать и описывать причинно-следственные связи, определяющие поведение и поле путей развития больших социальных групп на характерных временах от 10 до 1000 лет и обладающие предсказательной силой". Здесь можно "поставить во главу угла не только реальность, но и возможности (курсив мой. - В. Н.), ситуации выбора, точки бифуркации исторического процесса" [Капица, Курдюмов, Малинецкий, 1997, с. 75]. Следовательно, в рамках такой позиции ученые получают возможность проводить контрфактические исторические исследования. Прогнозирование вводится в синергетику явочным порядком при ее адаптации к изучению прошлого. Однако теоретически позицию Пригожина такой подход не опровергает: даже при самом подробном описании причинно-следственных связей, в точке бифуркации поведение социальных групп (из-за флуктуации) продолжает оставаться непредсказуемым.

Иные пути совершенствования методологии синергетики открываются, если, вслед за Ласло, выдвинуть гипотезу о наличии микро- и макроуровневых точек бифуркации. На макроуровне предвидеть будущее нельзя. По содержанию и свойствам подобный тип точки бифуркации адекватен существующим в физическом мире.

Иное дело - микроуровень. Здесь действуют личности, которые "представляют собой относительно стабильные и наделенные разумом части нестабильного целого. В отличие от самого общества его отдельным членам присуща способность мыслить, планировать и рассматривать альтернативные варианты действий" [Ласло, 1995, с. 64]. Поэтому, как справедливо указывал Ю. Лотман, "задача "освободить историю от великих людей" может обернуться историей без творчества и историей без мысли и свободы. Свободы мысли, свободы воли, т. е. возможности выбора путей" [Лотман, 1996, с. 356]. Следовательно, люди подчинены не только объективному закону, определяющим их поведение, а наделены разумом и волей, осуществляли в прошлом и осуществляют в настоящем целенаправленные поступки, сознательно выбирают лучшие из альтернативных вариантов деятельности. Значит, контрфактический анализ их действий - необходим.

Таким образом, выделение двух типов точек бифуркации означало попытку адаптации синергетики к особенностям социальной системы. Оно помогает увидеть возможность и необходимость учета влияния мышления и деятельности людей на вариативность в точке бифуркации, доказывает, что направления дальнейшего развития социальных систем сознательно выбираются (в меру человеческих возможностей).

Однако при таком подходе опять возникает противоречивая ситуация. С одной стороны, на микроуровне отдельные люди могут планировать и предвидеть будущее. С другой стороны, на уровне общества в целом совокупный результат их действий в "глобальной" точке бифуркации социума все равно остается непредсказуемым. Соответственно, рассуждения "что было бы, если?" применимы лишь при анализе действий отдельных лиц. Вопрос о необходимости контрфактических исследований исторических событий в концепции Ласло, как и у Пригожина, остается открытым.

Другая группа ученых, на мой взгляд, пошла по иному пути адаптации синергетики к социальному (историческому) познанию. Речь идет об отказе от использования категории "точка бифуркации" и связанной с ней естественно-научной методологии. Отсюда появляется ряд понятий, адекватных новому объекту - "критической точке истории" [Жуков, 1996, с. 86], "высшей точки истории" [Иноземцев, 1991], "сингулярной точки истории" [Панов, 2005].

Изменения в терминологии тоже привели к неоднозначным последствиям. На первый взгляд, по содержанию данные категории во многом тождественны "точке бифур-

кации". Признается, что они включают в себя различные варианты дальнейшего становления социальной системы. Например, "во внутреннюю массу критической точки... заложены альтернативные пути развития всего исторического процесса или отдельных его частей и направлений" [Журов, 1996, с. 86]. Любая социальная "система, достигшая высшей точки развития, подготавливает свое собственное отрицание к процессу общественного развития... Зрелость общественной формации и начало нового периода возрастания многовариантности общественного развития являются... понятиями почти идентичными". Однако данные категории имеют и существенные отличия от "точки бифуркации". Здесь ученые исходят из доминирующей роли субъекта. Из того, что процесс реализации одного из вариантов на практике "прокладывает себе дорогу через действия... индивидов, через борьбу социальных сил" [Иноземцев, 1991, с. 9]. "В зависимости от того, какая альтернатива будет избрана активно действующими на исторической арене силами и деятелями, будет определен... путь развития соответствующего исторического объекта" [Журов, 1996, с. 86]. Это обстоятельство в свою очередь обусловило изменение методологии контрфактического анализа, базирующегося на синергетике.

Ее фундаментом стал следующий тезис: в переходных состояниях, в момент равновесия возможностей, "решающую роль может сыграть как случайность, так и механизм сознательного выбора. Та историческая действительность, которая реализуется, зависит как от комплекса случайных обстоятельств, так и от самого сознания действующих лиц исторической драмы" [Харитонович, 1996, с. 175]. Отсюда "точка бифуркации" на социальном уровне получает новое содержание. Она начинает трактоваться как более конкретная, специфическая категория: "историческая развилка". На мой взгляд, именно данная категория помогает в максимальной степени раскрыть эвристический потенциал синергетики в рамках контрфактических исторических исследований.

Понятие исторической развилки пришло в науку из литературы. Здесь его первым метафорическим выражением стал образ разветвляющейся дороги. Так, герой рассказа О'Генри "Дороги, которые мы выбираем" Акула Додсон рассказывает собеседнику Бобу Тидболу следующую историю. По пути в Нью-Йорк он оказался на перекрестке дорог и после длительных раздумий повернул налево. Затем Акула, оказавшийся совсем не там, куда ранее собирался, задается важнейшим вопросом: "Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу?" [О'Генри, 1986, с. 582].

Эта мысль выражена и в стихотворении Р. Фроста "Другая дорога":

В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то

(цит. по [Модестов, 2000, с. 157]).

Далее человек едет по одной из дорог, но всю жизнь его не оставляет вопрос: "что могло случиться, если бы он выбрал другую?".

Подобный бинарный подход к восприятию переходных состояний в социальном мире выступает как упрощенный. Такова самая элементарная, простая форма исторической развилки. Но апеллирование исключительно к ней "было бы верно, если бы в жизни всегда было два пути. Выбор по принципу или-или. Но даже у сказочного камня богатырю предлагалось больше вариантов для... принятия решения" [Егоров, 1990, с. 30].

Исторические развилки не есть продукт лишь художественной литературы. Ситуации, в которых имеет место выбор одного из нескольких возможных вариантов, встречаются и в историческом процессе. Так, только в России XX в. судьбоносные исторические развилки обнаруживаются, как минимум, в пяти случаях. Некоторые из них связаны с действиями личностей: например, в 1953 и 1985 гг. от выбора руководителя страны существенно зависел ее новый внутри- и внешнеполитический курс. Другие - с объективным ходом исторических событий: какие из ряда реально существовавших путей развития выберет страна в 1917, 1929, 1991 гг.? В результате "можно найти немало... исторических развилок, способных - случись им осуществиться - привести к самым неже-

роятым последствиям" [Леценко, 2003, с. 576]. Для реконструкции, анализа всего набора существовавших в каждой такой развилке возможностей необходим контрфактический анализ.

Здесь тоже существуют различные подходы. Так, одни ученые (или писатели) при изучении исторических развилки стремятся выявить влияние исторических личностей, проследить последствия их потенциальных действий. Это осуществляется посредством анализа малых случайных воздействий. Они "могут оказаться решающими при выборе ветви бифуркационной диаграммы. В исторической интерпретации это соответствует возрастанию роли отдельных личностей, появлению (у них. - В. Н.) возможности влиять на ход исторических процессов с помощью малых воздействий" [Капица, Курдюмов, Малинецкий, 1997, с. 107]. Следовательно, в исторических развилках решения (действия) отдельных индивидов, их персональный выбор между различными направлениями социального развития способны оказать важнейшее влияние на эволюцию общества.

Главный прием здесь - мысленная замена личности. Как правило, исследование начинается с вопроса: что, если бы в данной ситуации на месте одного человека, наделенного властными полномочиями, оказался другой?

Так, Джером К. Джером в повести "Трое в лодке (не считая собаки)" моделировал ситуацию, при которой король Иоанн мог не подписать в 1215 г. Великую хартию вольностей для английских баронов: "...Он бросает быстрый взгляд на своих французских наемников, выстроенных сзади, и на угрюмое войско баронов, окружившее его.

Может быть еще не поздно? Один сильный, неожиданный удар по рядом стоящему всаднику, один призыв к его французским войскам, отчаянный натиск на готовые к отпору ряды впереди - и эти мятежные бароны еще пожалеют о том дне, когда они посмели расстроить его планы! Более смелая рука могла бы изменить ход игры даже в таком положении. Будь на его месте Ричард, чаща свободы... была бы выбита из рук Англии, и она еще сотню лет не узнала бы, какова эта свобода на вкус!" (цит. по [Бушков, 1999, с. 27]).

При анализе данного события учитываются не маловероятные (типа падения подковы), а целенаправленные (обусловленные психологией) действия исторической личности, которые оказывают решающее влияние на изменения, происходящие в "исторической развилке". Это позволяет предвидеть возможный результат с определенной степенью точности, а значит - преодолеть тезис Пригожина о "принципиальной непредсказуемости" будущего. Кроме того, возникает возможность сравнения поведения различных исторических деятелей минувшего: например, английских королей Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Прогнозирование, осуществляемое на основе учета действий политиков, военачальников, выступает важным элементом, раскрывающим целесообразность, практическую ценность контрфактических исторических исследований.

Многие специалисты в рамках концепции исторической развилки подвергают анализу и другой объект - исторические события. Они согласны с Пригожиным, что здесь действует множество случайностей (флуктуации), которые невозможно учесть. Но при анализе на данном уровне достоверный результат должен быть получен путем сведения множества влияющих на событие факторов к двум-трем основным, наиболее значимым. Так, В. Звягинцев описывает "сильную" Россию XXI в., которая могла возникнуть в случае победы в войне с Японией (1904 - 1905 гг.) на основе трех случайностей: "Развилка, за следующие полтора-два десятилетия почти неузнаваемо изменившая этот мир, обнаружилась в 1904 г. Конкретно - на Дальнем Востоке, в Порт-Артуре, где три случайности, ранее приведшие к поражению России, сработали, что называется, с обратным знаком. Сначала японцы... упустили шанс нанести внезапный удар по стоящей на внешнем рейде Первой Тихоокеанской эскадре, затем... 31 марта... взорвался не "Петропавловск" с адмиралом Макаровым, а "Мидаса" с адмиралом Того, и, наконец, во время сражения в Желтом море... снаряд уничтожил заменившего Того адмирала Камимуру вместе с его штабом. Разгром был полный. Вскоре после этого капитулировала сухопутная армия в Маньчжурии..." [Звягинцев, 2001, с. 338].

Три рассмотренные случайности (две из которых носят "персональный" характер) устраняют, нивелируют действия множества других. При контрфактическом анализе в них концентрируются главные причины изменения итога данного события. И если, согласно синергетике Пригожина, учесть влияние всей совокупности флуктуации нельзя, то двух-трех основных - можно и нужно. Это сделает результат реконструкции потенциальных вариантов прошлого достоверным, прогнозируемым. Следовательно, при контрфактическом анализе тезис об абсолютно непредсказуемом характере развития социальных систем преодолевается.

К тому же в рамках концепции исторической развилки был найден способ максимального дистанцирования от негативного влияния случайностей на ретроспективное прогнозирование хода исторического события. С данной целью на "перекресток дорог" помещают не только какого-то человека, но и общество в целом. В результате случайности, присущие действиям (влиянию) отдельных людей, нивелируются, элиминируются. На первый план выступают общие закономерности, которые с большей долей достоверности позволяют говорить о становлении различных вариантов исторического развития. Так, историческая развилка, имевшая место в России в 30-е гг. XX в., рассматривается следующим образом: "Тогда мы стояли на перекрестке дорог. В истории наций и государств, как и в жизни отдельных людей, такие развилки не редкость... Такой ключевой развилкой... был период нэпа, особенно его первые годы. Если бы мы тогда не остановились только на экономических реформах, а пошли дальше, по пути демократических политических преобразований... убеждены, никогда бюрократический аппарат не смог бы захватить власть и свернуть нэп" [Попов, Шмелев, 1989, с. 323]. Особенность данной развилки состоит в том, что при ее реконструкции ученый абстрагируется от влияния отдельных людей на ход события². В результате в подобной модели, случайности, вызванные действиями личностей, исчезают. Это повышает прогностический характер контрфактических исследований. Кроме того, в анализ данного события вводится такой фактор, как процесс реализации демократических реформ. Отсюда вывод: моделируя события 30-х гг. XX в. и абстрагируясь при этом от учета влияния личностного фактора, можно утверждать, что Россия пошла бы по демократическому пути развития. Подобный вариант был вполне реален, возможен. Таким образом, поведение социальной системы становится предсказуемым не вопреки, а в соответствии с синергетикой, адаптированной к новому объекту исследований.

Не исключено, что в дальнейшем ученым, изучающим исторические развилки, придется отказаться и от другого фундаментального понятия синергетики Пригожина - флуктуации, то есть спонтанных, хаотических изменений, оказывающих решающее влияние на переход к одному из режимов функционирования в точках бифуркации. При объяснении причин трансформаций неравновесных систем физического мира оно полезно, а при анализе социального - ведет к абсолютизации роли случайности в истории, препятствует поиску в ней закономерностей. Как выйти из сложившейся ситуации?

На мой взгляд, место понятия "флуктуация" в теории исторической развилки должна занять разработанная А. Тойнби модель "вызов-ответ". Ее суть состоит в том, что каждое общество сталкивается с угрозами своему существованию ("вызовами"), которые

² Существует и противоположная точка зрения. Она связывает вариативность в исторических развилках преимущественно с деятельностью отдельных личностей, их психологией. Исходит из решающего влияния именно субъективного фактора на "торжество той или иной альтернативы". Однако такая концепция, на мой взгляд, имеет серьезный недостаток: тяготеет к бинарному восприятию переходных состояний в развитии социальных систем. Так, Б. Могильницкий утверждает: "Можно определить главные альтернативы, обозначенные в развитии нашего (российского. - В. Н.) послереволюционного общества. Первая... нашла... яркое выражение в ленинском плане строительства социализма... и в кратковременной истории нэпа, вторая - в сталинском тоталитаризме" [Могильницкий, 1989, с. 7, 4]. Кроме того, олицетворением альтернатив оказываются, как правило, лишь правители. Остальные личности остаются "за бортом" исследований. Поэтому ученые начали искать пути преодоления субъективности при реконструкции существовавших в исторических развилках возможностей.

могут исходить как из природной, так и из социальной среды [Тойнби, 1991, с. 113]. Отсюда задача людей - найти адекватный "ответ", то есть так перестроить существующую социальную организацию, чтобы она смогла преодолеть возникающие трудности, успешно развиваться дальше. Если такой ответ не находится, то данный социум перестает функционировать.

Как модель "вызов-ответ" работает при анализе исторических развилки? Она наглядно показывает, что здесь происходит не спонтанный выбор одной из имеющихся нескольких возможностей (как казалось Пригожину или Ласло), а более сложный процесс. Люди (в том числе и наделенные властью) пытаются сознательно выявить, исходя из имеющейся у них ограниченной информации, оптимальный в сложившейся ситуации вариант. При этом они часто ошибаются, следуют по пути, препятствующему достижению поставленной цели.

В результате у некоторых ученых складывается впечатление, что найти оптимальный вариант развития общества в переходной ситуации вообще невозможно. Так, Г. Дилигенский утверждает: "Россия вынуждена заниматься не тонкой настройкой своего социального организма, когда из неплохих вариантов можно выбрать оптимальный, а всегда выбирает из плохих вариантов такой, который бы не привел к катастрофе" (цит. по [Риск... 1994, с. 9]). Для опровержения подобных пессимистических выводов в рамках теории исторической развилки и нужны контрфактические исторические исследования. Они позволяют людям извлекать из минувшего уроки, практически полезные в интересах настоящего и будущего.

Один из таких подходов связан с установлением запретов на некоторые стратегии взаимодействия [Степин, 1994, с. 20]. В рамках этой позиции признаются тезисы Пригожина, сформулированные им относительно "точки бифуркации": 1) здесь сосуществуют множество вариантов дальнейшего развития системы; 2) нельзя однозначно просчитать, какой из существующих путей ее дальнейшей эволюции будет выбран.

Но в данном случае не делается вывода о полностью непредсказуемом характере социальной истории. Так, если исходить из исторического опыта, у нас есть информация о прошлых подобных переходных состояниях. Мы знаем о том, к чему привели действия людей в схожих обстоятельствах. Отсюда по аналогии можно заключить следующее: если последствия были отрицательными для жизни общества, то такую линию поведения не следует повторять в настоящем.

Рассмотрим принципы работы данной "системы запретов" на примере анализа политических событий лета и осени 1917 г. в России. В существовавшей тогда исторической развилке имел место ряд вариантов дальнейшего развития ситуации: сохранение легитимной власти, ее свержение правыми (монархисты, часть армейских "верхов") или левыми (большевики) силами. Как и почему происходил их отбор? В реальности Временное правительство не пошло на удовлетворение требований большинства населения страны. "Трудящиеся, прежде всего крестьянские массы, требовали, во-первых, прекратить... непопулярную в народе войну и, во-вторых, решить аграрный вопрос - изъять землю у помещичьего дворянства и передать ее крестьянам. Анализ политики Временного правительства позволяет сделать вывод, что руководство политических партий, сформировавших его, не только оказалось неспособным решить указанные проблемы, но даже правильно их поставить. Смысл создавшейся ситуации поняли их оппоненты - большевики" [Мурадян, 1994, с. 266]. Именно поэтому они и пришли к власти. Кроме того, контрфактический анализ подтверждает: "если бы большевики не взяли власть, то ее взяли бы другие (политические силы. - В. Н.), ибо нельзя было не свергнуть Временное правительство, не оправдавшее ожиданий масс... Конечно, если бы Временное правительство пошло навстречу требованиям масс, то, возможно, ситуация изменилась бы" [Гобозов, 1993, с. 142]. Данного мнения придерживаются не только современные ученые, но и сам глава Временного правительства А. Керенский. Уже в эмиграции он так ответил на вопрос о последствиях заключения сепаратного мира с Германией летом или осенью 1917 г.: "Мы были бы сейчас в Москве" (цит. по [Мурадян, 1994, с. 267]), то есть находились бы у власти.

Первыми попытку военного переворота предприняли в августе 1917 г. правые во главе с генералом Л. Корниловым. Временному правительству, при опоре на левых и верные ему армейские части, удалось подавить мятеж. Но никаких практических выводов из произошедшего Керенский и его коллеги не сделали. Требования народных масс продолжали игнорироваться. Последствий не пришлось долго ждать. В октябре 1917 г. к власти в России пришла партия большевиков.

Проведенный анализ свидетельствует: любое правительство должно исходить из того, что в "исторических развилках" бесконечно долго противиться требованиям социального большинства ему не удастся. Подобная форма "ответа" на "вызов" неприемлема. Она способствует лишь дезорганизации общественных институтов, нарастанию хаоса, а в результате - смене правящей элиты на иную, более радикальную. Такой урок истории и есть запрет на аналогичные действия в будущем.

Таким образом, использование в рамках синергетики понятия "историческая развилка" дает, на мой взгляд, следующие преимущества при контрфактическом моделировании прошлого:

- 1. Исторические развилки (в отличие от точек бифуркации) можно выявлять в любых периодах исторического процесса.*
- 2. Исторические развилки соединяют два уровня исследования социальных систем: микро-(личности) и макро-(общество).*
- 3. Позволяет привлекать для изучения прошлого концепции не только естественных, но и гуманитарных наук (например, модель "вызов-ответ" Тойнби).*
- 4. При анализе исторической развилки становится возможным социальное прогнозирование. Его осуществляют как по аналогии (запрет на определенные стратегии взаимодействия в сходных ситуациях), так и путем учета роли ряда случайностей в истории.*
- 5. Сами контрфактические исследования приобретают научную состоятельность, а получаемые в результате их проведения выводы выступают обоснованными. Они имеют не только теоретический, но и практический смысл.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А что, если бы? Альтернативная история. М. - СПб., 2002.*
Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. N 8.
Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
Бушков А. А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М., 1999.
Гобозов И. А. Введение в философию истории. М., 1993.
Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980.
Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. N 5.
Гуц А. К. Многовариантная история России. М., 2000.
Душмид Э. Победы, которых могло не быть. М., 2000.
Егоров В. К. История в нашей жизни. М., 1990.
Журов Ю. В. Очерки методологии истории. Брянск, 1996.
Звягинцев В. Д. Время игры. М., 2001.
Иноземцев В. Л. Альтернативность общественного развития // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1991. N 2.
Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997.
Кудряшов С., Олейников Д. Оккупированная Москва // Родина. 1995. N 5.
Ласло Э. Век бифуркации. Постигжение изменяющегося мира // Путь. 1995. N 7.
Леценко В. Ветвящееся время. История, которой не было. М., 2003.
Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М., 1996.
Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
Макси К. Вторжение, которого не было. М. -СПб., 2001.
Макси К. Упущенные возможности Гитлера. М. -СПб., 2001.
Могильницкий Б. Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. N 11.

- Модестов С. А. Бытие несвершившегося. М., 2000.
- Мурадян А. А. Двуликий Янус. Введение в политологию. М., 1994.
- Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если... М. -СПб., 2002.
- О'Генри. Короли и капуста. Новеллы. Л., 1986.
- Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
- Панов А. Д. Сингулярная точка истории // *Общественные науки и современность*. 2005. N 1.
- Победа Восходящего Солнца. М., 2004.
- Поликарпов В. Если бы... Исторические гипотезы. Ростов-на-Дону, 1996.
- Померанц Г. С. История в сослагательном наклонении // *Вопросы философии*. 1990. N 11.
- Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития? // *Осмыслить культ Сталина*. М., 1989.
- Пригожин И. Переоткрытие времени // *Вопросы философии*. 1989. N 8.
- Пригожин И. Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. N 6.
- Пригожин И., Стенгерс И. Время, Хаос, Квант. М., 1994.
- "Риск исторического выбора в России" ("Круглый" стол) // *Вопросы философии*. 1994. N 5.
- Розанов Г. Л. Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939 - 1941. М., 1991.
- Сахаров А. М. Методология истории и историография (Статьи и выступления). М., 1981.
- Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997.
- Степин В. С. Философия и образы будущего // *Вопросы философии*. 1994. N 6.
- Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... // *Знание - сила*. 1979. N 12.
- Тойнби А. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели // *Знание - сила*. 1994. N 8.
- Тойнби А. Постигжение истории. М., 1991.
- Успенский Б. А. История и семиотика // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996.
- Харитонович Д. Э. История структур и история событий // *Одиссей. Человек в истории*. 1996. М., 1996.
- Экштут С. А. В поиске исторической альтернативы. М., 1994.
- Экштут С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // *Вопросы философии*. 2000. N 8.
- Юзефович Г. Сад расходящихся тропок // *Еженедельный журнал*. 2002. N 10.
- Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964.